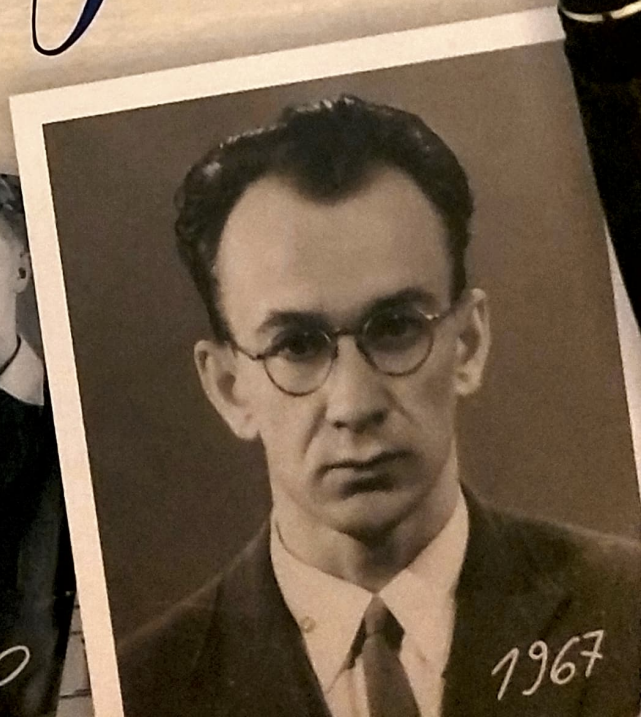
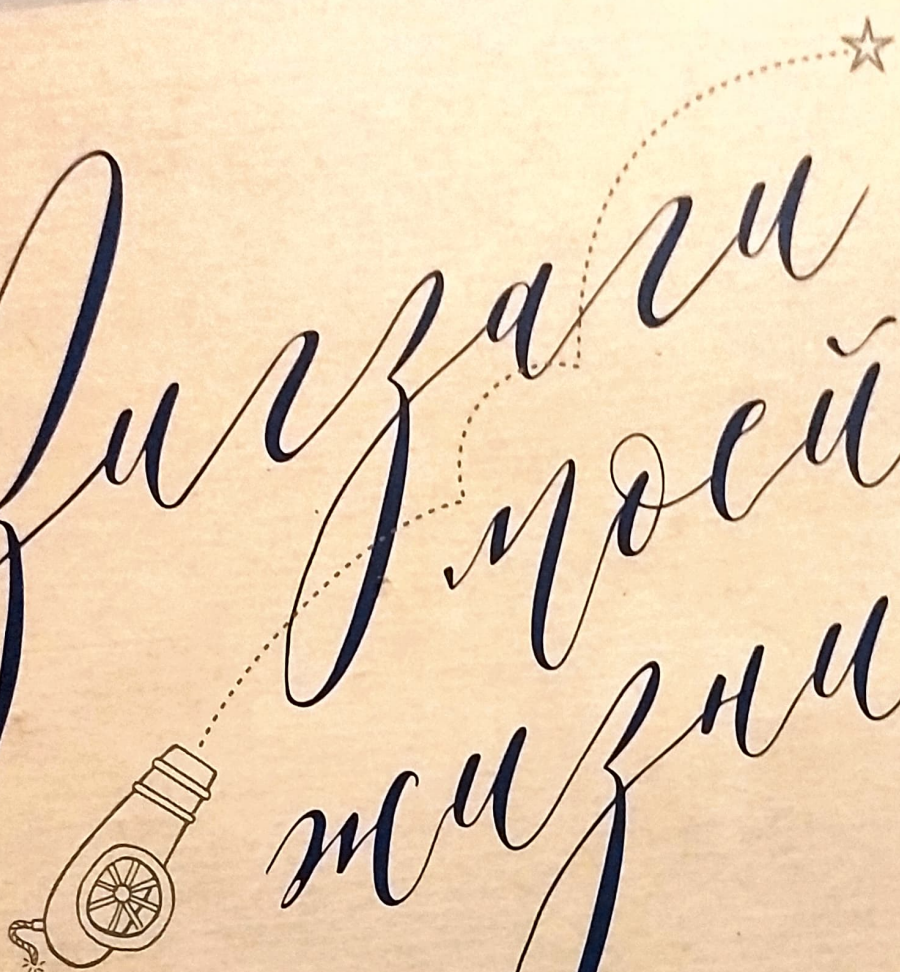

Владимир Шабашев

Друзья
моей
жизни

Часть I. Взросление

Глава 1. Детские годы

Военное детство.

Обучение в Баженовской средней школе Омской области (1945–1955).

Детству следует оказывать величайшее уважение.

Ювенал

Я родился 26 апреля 1938 года в селе Астрахановка Любинского района Омской области. Мои родители – Алексей Степанович Шабашев и Глафира Михайловна Кузнецова – в это время жили и работали в совхозе: отец – кочегаром, мать – дояркой. Я появился на свет, как говорила мама, когда коровы возвращались с пастбища на вечернюю дойку. Это примерно в 6 часов вечера. Мама говорила, что я «родился в рубашке», но почему именно – я не знаю...

К моменту моего рождения в семье уже подрастали две дочери – Мария (1928 года рождения) и Валентина (1935 года рождения). В 1942 году родился мой младший брат Геннадий.

Самое раннее событие моей жизни, которые я помню, это проводы отца на фронт. Отец в этот период работал машинистом локомотива мельницы в селе Баженово Омской области. Был вечер августа 1941 года, во дворе горел костер, вокруг которого сидела семья: отец, мать и сестры. Все плакали. После проводов я часто залезал на ворота в ограде мельницы и смотрел, не возвращается ли отец домой.

Отец воевал артиллеристом на Сталинградском фронте. Был тяжело ранен, контужен. Награжден медалью «За Победу над

Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Вернулся он из госпиталя летом 1942 года. Помню, был поздний вечер, когда отец постучал в окно полуподвального этажа дома, где мы жили. Мама закричала от радости, пошла открывать дверь. Позже мама рассказывала, что, уходя на фронт, отец загадал: «Если родится сын, то я вернусь живым с войны» – семья в то время ждала четвертого ребенка. Сын Геннадий родился в мае 1942 года...

После возвращения отца вновь определили работать машинистом локомотива мельницы. А мама в войну трудилась на мельнице уборщицей. Нужды в хлебе мы не испытывали, да и почти все овощи семья выращивала в своем огороде, поэтому мы неплохо пережили те тяжелые для страны годы.

В первый класс пошел в 1945 году в Баженовскую среднюю школу. В марте 1946 года отца перевели на работу машинистом локомотива Усовской мельницы Марьяновского района Омской области. Из Баженово в Усовку, за 120 километров, семья переезжала на грузовой машине, было холодно, шел снег. Мы все укрывались тулупами и тентом. В Усовке нашу семью из шести человек поселили в землянке, где были две большие комнаты, одна из которых – кухня. Пол в землянке был на полтора метра ниже уровня земли. После войны был дефицит досок, поэтому земляной пол заливали жидким кизяком (коровий помет). Когда он засыхал, то в течение нескольких месяцев служил удобным напольным покрытием. Летом лопнувшую корку кизяка заменяли чаще – была возможность хорошо проветривать землянку при открытых окнах. Окон было три, да и то небольшие. Освещались комнаты десятилитровыми керосиновыми лампами. На единственной кровати спали родители. Мы, четверо детей, – на полу. В землянке приходилось регулярно бороться с нашествием вшей. Избавлялись от них зимой специальными средствами, а летом – с помощью полыни, которую подкладывали под простынь. Отапливалось такое жилище печкой, которая располагалась между двумя комнатами. Зимой, когда телилась корова, теленок в течение 3–4 месяцев (до весны)

находился на кухне. Чтобы уменьшить неприятный запах, приходилось чаще убирать за ним.

Когда учился в третьем классе, в клуб нашего села приехал цирк. Денег на билет у меня не было, поэтому о легальном посещении представления не было и речи. Но посмотреть настоящее цирковое представление очень хотелось, и я придумал план. В тот день отец взял меня с собой в баню, и я решил незаметно сбежать из бани в цирк. Я медленно раздевался, дождался, пока отец разделется и перейдет из предбанника в мыльное отделение бани, быстро оделся и убежал. В помещение клуба, где шло цирковое представление, я проник, прячась за спинами тех, у кого были билеты. Таких как я – безбилетных мальчишек оказалось человек десять. Мы сидели на полу, перед сценой. Первое знакомство с цирком произвело на меня потрясающее впечатление. Особенно восхитило, что артист «распилил» женщину, а она оказалась живой. Отец, конечно, потом пожурил меня, предупредил, чтобы впредь спрашивал разрешение у родителей на такие «походы».

Другой памятный случай из школьного периода жизни – первый театральный опыт. В четвертом классе я в новогодние каникулы играл главного героя одной из сказок. Нравилось, как раскрасили мое лицо, и я с гордостью ходил с этим гримом.

Летом мы, в основном мальчишки, вместе со взрослыми родственниками ходили в лес за ягодами, грибами. Бегали босиком и по дороге, и по колючей стерне – настолько закаленными были наши подошвы.

Зима 1947 года оказалась очень холодной. В классе, где мы занимались, была печка-голландка, которая недолго держала тепло, быстро остывала. Мы, школьники, сидели на занятиях в зимней одежде, в рукавичках. Но никому из нас не пришло бы в голову остаться из-за этого дома – трудности в то время дети принимали как суровую необходимость.

В июле 1947 года мама взяла меня на сенокос. Колхоз выделил нашей семье делянку на поле, где работали в основном казахи.

Это было в трех километрах от села Усовка. Туда шли пешком, все необходимое – продукты на обед, чайник с водой и косы – несли на руках. Я помогал маме нести узелок с едой и свою косу с коротким лезвием. Осваивал технику косьбы как мог. Попробовал поточить косу оселком (наждаком), но из-за отсутствия опыта сильно порезал указательный палец правой руки. Долго бежала кровь, еле остановили. Рядом был ручей, в нем охлаждал руку. От боли текли слезы. Зато на всю жизнь усвоил, что в работе с таким, казалось бы, нехитрым инструментом важна предельная осторожность.

После того, как сено высохло, его собрали в копны. Вывозить сено предстояло на двух бричках, запряженных лошадьми. В погрузке сена взрослым – папе, маме и дяде Егору – помогали я и мой двоюродный брат Вася. Только мы закончили эту работу и стали выезжать на дорогу, вдруг из-за леса раздались крики. На нескольких бричках ехали казахи и кричали, чтобы мы не вывозили сено. Отец дал команду срочно уезжать, и это нам удалось. Но мне было очень страшно тогда. Отец успокоил меня, гарантируя, что ничего опасного казахи с нами не сделают и сено мы им не отдадим. Потом выяснилось, что те руководители колхоза, которые разрешили нам косить сено на чужой территории, не предупредили об этом заведующего отделением колхоза.

Для хозяйственных, лечебных нужд и для празднования важных событий родители гнали самогон. Его качество проверяли, поджигая спичкой. Однажды ночью мы услышали крики: «Пожар, горим!» Это случилось, когда пламя с блюда, на котором поджигали пробную порцию самогона, перекинулось на большую кастрюлю с самогомом. Пожар удалось потушить. Мы, дети, сильно испугались.

Через год нашу семью переселили в новый деревянный дом с двумя светлыми большими комнатами. У детей появились кровати. В 1947 году к нам в семью приехал дядя Егор, младший брат мамы. В 1931 году вместе со своей матерью (моей бабушкой) он был сослан на поселение в Томскую область. Но об этом подробнее расскажу

позже. Теперь в доме было уже очень тесно: семь человек в двух комнатах, поэтому мама регулярно ворчала: «Скорее бы ты женился». Дядя Егор женился через год и переехал жить к своей супруге.

Особенно запомнилось, как мы, школьники, собирали в сентябре колоски пшеницы и ржи после того, как комбайны уезжали с поля, скосив зерновые культуры. Этим мы, дети, помогали взрослым как могли.

В Усовке впервые увидел самолет (ПО-2), его транспортировал трактор после аварийной посадки около села. Было любопытно потрогать его руками.

Наши соседи имели большой сад, где росли яблоки. Однажды, когда соседи угощали нас яблоками, меня укусили пчелы. Мой правый глаз долго не открывался, настолько он затек. Так что мой первый опыт встречи с пчелами оказался печальным.

К слову, уроки жизни, полученные мной в Усовке, были весьма разносторонними, добро и зло в них плотно перемешаны – все как в жизни. Другое дело, что ты сам вынесешь из этих уроков. В среде мальчишек 8–9 лет, моих ровесников, сильно было стремление подражать взрослым, демонстрируя умение курить табак, глубоко вдыхая дым. Надо заметить, что курили взрослые мужчины в основном табак-самосад, выращиваемый в своих огородах. Его сушили, рубили мелко-мелко, потом заворачивали в самокрутку из газеты, раскуривали, наслаждаясь дымом крепкого табака. Мне тоже предложили затянуть такую самокрутку, глубоко вдохнуть дым, сказав при этом «ма-а-ма». Чтобы не оказаться слабаком в глазах товарищей, сделал так, как меня научили. Что творилось со мной потом, трудно даже описать. Задохнулся, очень долго кашлял, валяясь на траве. Успокоился только тогда, когда дали выпить кружку воды. Этот «урок» усвоил на всю жизнь. Еще раз попробовал выкурить папиросу в десятом классе. Неприятный привкус табака во рту, долго не исчезающий, навсегда отвратил меня от курева. Невольно напрашивается мысль, не использовать ли такой метод и сегодня в воспитательных целях.